

ДАЛЕКОЕ-БЛИЗКОЕ

«Спасибо, сердце, что ты умеешь так любить!»

30 января исполняется 115 лет со дня рождения Исаака Дунаевского

Первый классик советской массовой песни, оперетты и музыкальной кинокомедии Исаак Осипович Дунаевский был тесно связан с Казахстаном в период Великой Отечественной войны и в первое послевоенное время. Ансамбль Центрального Дома культуры железнодорожников, которым он руководил, в те годы гастролировал у нас не только в городах, но и выступал на станциях и даже на глухих полустанках. А в Алма-Ате композитор провел большую работу по части музыкального оформления кинофильма Л. Трауберга «Актриса».

Наум ШАФЕР

Песня Дунаевского «Моя Москва» была впервые исполнена его ансамблем где-то на Дальнем Востоке. Там слушатели просто плакали при исполнении песни. А в Казахстане люди поднимались с мест и слушали творение Дунаевского стоя, как гимн. Секрет прост. Ведь там прозвучали такие слова:

*Мы запомним суровую
осень,
Скрежет танков и
отблеск итыков.
И в веках будут жить
двадцать восемь
Слыханных твоих*

зарождения и развития благороднейших чувств и переживаний, романтические попытки осмыслить свою собственную жизнь в сочетании с трепетным отношением к любимому существу, ради которого ты готов на любые жертвы – даже если это «существо» и не достойно подобной жертвы. И ты упорно твердишь: «Спасибо, сердце, что ты умеешь так любить!»

Именно в ключе своей бессмертной песенки о сердце, которому не хочется покоя, Исаак Осипо-

и чувствами сегодняшнего нашего дня назад, разматывая обратно клубок дней, месяцев и лет, то встанет следующий вопрос: понимая твои мысли и желания сегодня, я недоумеваю, чего же ты добивалась и хотела, например, в продолжение многих месяцев поездки, когда ты сильными ударами по чувству била и терзала себя и меня и наши чувства?

Сегодня ты хочешь становления жизни, хочешь строить свое счастье, удовлетворение, благополучие. Это я понимаю, ибо ты дав-

это отбрасывала в сторону. Но не отбрасывал этого я. Ты, смеясь, проходила мимо моего частого упоминания о моем возрасте. А между тем ты должна была понимать, что мне одной любви, построенной на красивых переживаниях, мало. Бросаясь в строительство новой жизни на половине пятого десятка лет, мне нужно было знать, что ждет меня, каков фундамент моей постройки, не развалится ли она при первой житейской буре или невзгоде. И не за себя я боялся при этих мыслях и наблюдениях. Поверь мне – я тебя так любил и люблю, так хорошо к тебе относился и отношусь, что мне важно было только одно: уберечь твою чудесную и чистую душу от разочарования, от гибели, дать тебе подлинное счастье и полноту его от тебя на весь последний остаток своих лет. И именно главным образом из-за этих моих мыслей, из-

ется в том, что именно, когда стало приближаться время серьезнейших решений, я оказался без твоей поддержки. Ты умыла руки, отойдя в сторону и занимаясь наблюдениями, делая иногда неумные и неуместные предположения. И тогда, когда ты всей силой любви своей должна была опоясать мою волю, придать ей твердость нерушимой уверенности в справедливость и неизбежность любого моего шага в будущее, ты стала взамен этого выбивать из-под меня почву, прогонять меня, вселять во мне безнадежность и никчемность всего, что нужно было делать.

Ты часто любишь употреблять формулу «наша любовь», «наша жизнь», но ты этой формулы не применяла к себе. Моя жизнь с ее сложностями, мои интересы и побуждения как человека не были никогда «нашими». Почему-то ты считала, что трудности – это только мои, а не «наши». Почему-то ты

себя: «Что же мне сулит человек, который так поступает со мной? Какое счастье он может мне дать?»

Каждый человек, ошибается он или не ошибается, но исходит из привычного ему мира мысли, чувств и убеждений. Мне хочется, чтобы мне было хорошо. Тебе хочется, чтобы тебе было хорошо. Но посередине между нами обязательно должен иметься стык этих двух «хорошо»...

... Это лишь малая часть огромного проблематичного письма, которую в 1994 году скопировал для меня старший сын композитора – художник Евгений Исаакович Дунаевский. Если память мне не изменяет, то в пачке было не менее тридцати листов. Исаак Осипович писал на протяже-

*Мы запомним суровую
осень,
Скрещет танков и
отблеск штыков.
И в веках будут жить
двадцать восемь
Самых храбрых твоих
сынов.*

А казахстанцы в это время находились под потрясающим впечатлением от подвига 28 героев-панфиловцев... Не казахстанцы ли – самые первые! – стихийно утвердили эту песню в качестве будущего гимна Москвы?

И еще один немаловажный факт. Послевоенная оперетта Дунаевского «Вольный ветер» из-за сложности партитуры шла во всех музыкальных театрах с купюрами, даже в Москве, Ленинграде, Германии. Наш Семипалатинск оказался единственным, где оперетта была поставлена полностью, без всяких сокращений. По этому поводу Исаак Осипович, потирая руки, весело говаривал: «Казахи утерли нос москвичам, ленинградцам и немцам. Они поставили мою оперетту на казахском языке без единой купюры». Исследователи творчества Дунаевского поставили «Вольный ветер» в один ряд с лучшими творениями Штрауса, Оффенбаха, Легара и Кальмана.

«Легкая» музыка Дунаевского полна такой же глубинностью, как и его письма – истинные литературные шедевры эпистолярного искусства. И в наши дни продолжают оставаться актуальными не только его чудесные мелодии, но и мысли, заключенные в письмах. В первую очередь это касается серьезных писем о любви. Мы забываем, что любовь – это возвышенное состояние, процесс

упорно твердишь: «Спасибо, сердце, что ты умеешь так любить!»

Именно в ключе своей бессмертной песенки о сердце, которому не хочется покоя, Исаак Осипович и написал письмо, которое еще нигде не публиковалось. Но прежде чем рассказать о его истории и адресате, я позволю себе прибегнуть к длинному цитированию, причем заранее предупреждаю, что это – не все письмо, а лишь его небольшая часть.

«Москва, 25 января 1944 г.

Так как ты не выносишь громких и высокопарных фраз, то мое письмо будет очень, очень простым. Оно будет написано житейским жаргоном, хотя, признаться, я не поклонник подобного стиля. Жизнь и ее вопросы, возникающие в отношениях двух любящих сердец, всегда должны быть хоть немного приподняты над земным жаргоном, хоть немного опозитивированы. Так велит любовь и элементарные, узаконенные тысячелетиями словесные традиции. Как жаль, что к образу моей Зои, той Зои, на которую можно было часами глядеть, как на существо поэтически-нежное, приходится обращаться разменным житейским жаргоном. Что ж?

Раз утеряны поэзия, прекрасные, хоть и туманные мечтания, то давай будем смотреть на наши отношения через все упрощающее увеличительное стекло. Так, очевидно, наглядней... Я вынужден здесь развивать подробно те мои мысли, которые ты уже от меня слышала. Но ты не давала мне возможности довести их до конца.

Если посмотреть глазами

на себя и меня и наши чувства?

Сегодня ты хочешь становления жизни, хочешь строить свое счастье, удовлетворение, благополучие. Это я понимаю, ибо ты давно решила, что время наступило, что всякие отгажки есть малодушие, трусость, неполноценные чувства и прочее. Ну, хорошо! А тогда? Чего ты хотела тогда? Становления жизни тоже? Какие цели ты преследовала, парализуя меня своим неверием, доводя его часто до оскорбляющей грубости и пренебрежения, обзывая меня лжецом и лицемером, страдая сама от этого и заставляя меня страдать?

Сосчитай время, и ты удивишься, как мало было радостных дней, отданных свету и счастью любви, и как много было горя, слез, печали! Они рассыпаны по всему длинному пути поездики. И разве упоминешь эти бесчисленные места, станции и полустанки, мимо которых проходили вместе с нашим поездом эти слезы и печали, эти глубокие переживания, захватывавшие горло в мучительной спазме! Разве забудешь Иркутск, Новосибирск? Разве забудешь Тагил, где впервые я почувствовал, как убиваешь ты свое чувство, и где впервые я произнес тебе свои слова предостережения о том, что когда человек очень хочет в себе что-либо убить, он этого в конце концов добивается?!

...В человеческих отношениях крепость фундамента определяется не только количеством любви, но и умением прервать ее в цемент дружбы, нежности, товарищества, взаимного участия и зачастую терпеливого понимания и громадной волевым выдержки. Ты эгоистически

стую душу от разочарования, от гибели, дать тебе подлинное счастье и последний остаток своих лет. И именно главным образом из-за этих моих мыслей, из-за самых серьезных побуждений и взглядов моих в отношении тебя и будущей совместной жизни и получилась та разница в темпах, которыми мы шли оба к нашей единой цели. И тогда, когда мы слезли с поезда, когда мы оба почувствовали, что мы скоро должны очутиться перед серьезными и окончательными решениями, ты и начинаешь непостижимым образом заставлять меня замедлять темп и останавливаться на трудном пути моем к моему счастью и радости.

Да! Сложная жизнь у меня, немало втянуто в нее интересов. И ошибаешься ты, думая, что можно к ней привыкнуть и даже считать ее в порядке вещей. Не хочу я к ней привыкать, ибо не считаю ее привлекательной. Но распознавая меня как человека, имеющего какие-то слабости или предрассудки, ты должна была бы понимать, что слезы и муки дороги моей не только порывистостью и силой моего чувства к тебе. Кроме этого, нужна еще железная уверенность в том, что именно так нужно, что это нужно во имя моего счастья, которое жлет меня. Ты никогда не была права, утверждая, что переживания Н. мне важнее твоего состояния, как и никогда не была права, утверждая, что я не стремлюсь к построению жизни, к ломке всего старого потому, что нет у меня подлинных сильных чувств к тебе. Все это неверно. Главное заключа-

ется в том, что я люблю тебя, люблю тебя, люблю тебя, люблю тебя, люблю тебя. Моя жизнь с ее сложностями, мои интересы и побуждения как человека не были никогда «нашими». Почему-то ты считала, что трудности – это только мои, а не «наши». Почему-то ты считала, что я один должен расчищать путь к нашей жизни, что единственной двигательной силой должна быть моя и только моя любовь, и что сила ее определяется тем, насколько хорошо я сумею покончить и с Н., и с сыном и целиком и безраздельно поступить в твою собственность. Твои подобные воззрения при всей их ясности и кажущейся правоте («если любишь – все можешь сделать») страдают однако примитивностью. Предоставив мне одному расправу со всем прошлым, ты тем самым отошла от моей жизни и моих всяческих правильных и неправильных интересов и шагов и лишила меня возможности даже искренне и по-дружески делиться с тобой всем, что меня могло тяготить. Мне казалось, что моя тяжесть бывала даже тебе злорадно-приятной. Ты забывала про меня – человека, творца музыки, деятеля – и к моим мучениям добавляла самые большие мучения, ибо мучения от тебя переживались наиболее остро, потому что ты – моя любовь. Я приходил к тебе за поддержкой, а встречал туманы. Я приходил к тебе отдохнуть, а ты меня разбивала вкопеч. Тебе, по сути дела, не было ничто интересно во мне, ибо ты ушла с головой только в созерцание себя, своей жизни, которую ты давно считала истерзанной встречей с таким «ужасным» человеком, как я. И я вынужден был, сначала робко, как бы боясь этого, спрашивать у

меня старший сын композитора – художник Евгений Исаакович Дунаевский. Если память мне не изменяет, то в пачке было не менее тридцати листов. Исаак Осипович писал на протяжении нескольких вечеров, и у него получился житейско-философский трактат о любви, который можно было бы издать отдельной брошюрой. Письмо было адресовано Зое Пашковой, балерине, исколесившей с ансамблем Дунаевского тысячи километров в период Великой Отечественной войны.

Оставим в стороне вопрос о сложном семейном быте Исаака Осиповича. Скажу лишь одно: он с отчаянием и болью метался между двумя семьями, но двоеженцем не был. Как этот любовный трактат мог оказаться в руках у Евгения? Предполагаю, что Исаак Осипович писал, но не отправлял свои письма, и они остались у него в столе. Ему было важно прежде всего самому разобраться в своих чувствах и поступках. О том, что между возлюбленными (Зоя была моложе чуть ли не на двадцать лет) произошло примирение, свидетельствует следующий факт: через год у них родился сын Максим, будущий известный композитор, который недавно отметил 70-летие...

Передавая мне начало письма, Евгений Исаакович сказал: «Опубликуйте его в качестве подарка к 50-летию Максима. Пусть он знает, как умел любить его уникальный и гениальный отец. Мне самому это сделать неудобно».

Прости, дорогой Женя, что из тактических соображений я выполнил твою просьбу лишь через двадцать лет и ты не увидишь этой публикации...